

18+

Евгений Горохов

Криминальные хроники уездного города

Евгений Горохов

**Криминальные хроники
уездного города**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Горохов Е. П.

Криминальные хроники уездного города / Е. П. Горохов —
«ЛитРес: Самиздат», 2019

В российском провинциальном городе объявился маньяк-педофил, насилующий и убивающий девочек-подростков. Полиция начинает расследование. Под подозрение попадают: старый уголовник, мэр города и уважаемый учитель. Кто же он, этот таинственный маньяк?

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	11
ГЛАВА 4	16
ГЛАВА 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ГЛАВА 1

12 мая 2016 года

Месяц май не зря у славян звался «Травень». Раскрасил он всё сочным, зелёным цветом. Дует тёплый приятный ветерок, шелестит листва на деревьях, колышется мягкая, шелковистая трава в лугах. Так и подмывает завопить во всю глотку:

«Весна, весна! Как воздух чист!

Как ясен небосклон».

А воздух действительно чист. Даже на федеральной трассе, поднимаемая автомобилями пыль, не способна, подпортить этого великолепия. Впрочем, в утренний час, движение здесь не такое интенсивное.

В пяти километрах от въезда в провинциальный город, стоит придорожное кафе «У Алика», с охраняемой площадкой для грузовых фур. Водители-дальнобойщики, которым не нужно заезжать в этот уездный городок, любят здесь останавливаться на ночлег. Тем «дальнякам», кто за многие дни своих нескончаемых путешествий, соскучился по женской ласке, Алик готов предоставить телефончик «Досуга». Приедут девицы-прелестницы, кои успокоят муки любовного томления дальнобойщика.

В тихое майское утро, на этой площадке стояли всего две фуры с челябинскими номерами. Их водители после ужина возжелали любви и женской ласки.

В восемь часов утра одна из девиц встав на подножку камазовской кабины, швырнула на асфальт использованный презерватив и закурила. Около КАМАЗов копошился БОМЖ, он подобрал этот презерватив и положил в свой пакет, в который до этого складывал алюминиевые банки из-под пива. Тут же из кабины соседней фуры, высунулась другая девица, не обременённая высокими моральными принципами, и крикнув:

– Мужик, забери ещё один для коллекции, – бросила под ноги БОМЖу использованную «резинку».

Тот невразумительно проворчал что-то, но подобрал, и аккуратно сложил в свой пакет, после чего пошёл по своим бродяжьим делам.

Девица пока курила, проводила взглядом бродягу, а потом слезла с подножки кабины на асфальт, и направилась к синему «джили», куда минутой раньше забралась её более молодая товарка.

Кстати зовут эту даму с «пониженной социальной ответственностью», Анфиса, и всю дорогу до города, она думала о том, что ей сорок, и возраст свой, как не штукатурь фасад, от клиента не спрячешь, потому и заработки её упали.

«Впрочем, скоро на тебя вообще никто «западать» не станет, и придётся возвращаться к матери в деревню», – с грустью подвела итог невесёлым размышлениям Анфиса.

Они въехали в город, и она рассеянно, уже не о чём не думая смотрела на улицу. В один миг лицо её оживилось.

– Костик, останови здесь, – сказала Анфиса водителю. Едва автомашина подъехала к тротуару, она продолжила: – Всё, рабочий день у меня закончился, – и выскочила из автомашины.

По тротуару шла блондинка, глядя на которую, водители рисковали совершить ДТП, выворачивая шей, а пешая часть самцов рода человеческого, останавливались и смотрели ей в след. Хотя блондинка одета была скромно и не броско, но женщины, чьи мужья откровенно пялились на роскошную грудь этой красавицы, с ненавистью отмечали, что волосы у неё ухожены и не пергидроленны в дешёвой парикмахерской, как у них, платье и туфли брендовые, а не купленные за углом, в дешёвом магазине «Шаром-даром».

А красавица в платье от Майкла Корса и туфлях от Гуччи, шествовала, не обращая внимания на плотоядные взгляды самцов. Она уже давно привыкла к ним, и прошло то время, когда эти взгляды волновали её сердце.

К этой роскошной блондинке и бросилась Анфиса, семеня ногами, что бы её коротенькая юбочка, больше похожая на широкий ремень, не задралась до пупка.

– Виолетта, Виолетта, погоди! – кричала Анфиса.

Блондинка обернулась, на её красивом личике отразились все эмоции, сопровождавшие её умственную деятельность, от удивления: «Кто это за деваха и что ей надо?» до радостного изумления: «Так это же Лилит, подружка боевой юности!»

Они вместе начинали работать, именно Виолетта, посоветовала Анфисе представляться клиентам как Лилит. Пятнадцать лет минуло с той поры.

– Господи! Вот уж кого не чаяла встретить, – улыбнулась Виолетта. – Как поживаешь?

– Работаю, – со вздохом подвела итог своей жизни Анфиса.

– Судя по уставшему лицу, после трудовой вахты, – покачала головой Виолетта, – слушай Лилит, раз ты уже не на работе, пойдём, посидим, где-нибудь. Здесь поблизости кафе «Кружева» есть, они с восьми часов открываются. Идём, поболтаем, за чашкой кофе, молодость вспомним.

– Хорошо, – согласилась Лилит-Анфиса, – живём в одном городе, а по десять лет не встречаемся, кто знает, когда ещё раз свидимся.

Дамы собрались тронуться в путь, но тут, около них остановилась «шевроле-лачетти» из которой выскочила смазливая брюнетка в топике и джинсовых шортах, она кинулась обниматься с Виолеттой.

– Ну, сегодня решительно день встречи боевых подруг, – улыбнулась блондинка, пока брюнетка изливала свою радость от встречи, теперь уже на Анфису.

– Снежана, ты ли это? – умильно хлопала та в ладоши.

– Представь себе я! – отвечала брюнетка. – А вы здесь, какими судьбами?

– Вообще-то мы все живём в одном городе, – резонно заметила Виолетта, – хотя встретились случайно, и собирались отметить нашу встречу.

– Куда пойдём? – осведомилась Снежана.

Они познакомились в салоне с многообещающим названием «Эммануэль». Заведение это размещалось в пятикомнатной квартире на улице Ленина. Десять лет они проработали на ниве любовных утех, пока милиция не накрыла тот салон, после чего пути-дороги красавиц разошлись.

Подруги выбрали столик на террасе кафе, заказали бутылочку «шардоне» и кофе, потом принялись вспоминать дни минувшие. Конечно, разговор неминуемо перешёл на настоящее.

– Годы бегут, – мрачно резюмировала Анфиса, – глазом не успела моргнуть, как пятнадцать лет пролетело. Скоро ни один клиент не взглянет на меня.

– Иди на пенсию, – посоветовала Снежана.

– И чем заработать на хлеб насущный?! – хмыкнула Анфиса. – Идти в продащицы?! А у тебя-то как дела, Снежана?

– Нормально, – пожала плечами та, – вышла замуж, муж неплохо зарабатывает.

– И про твоё прошлое ему никто не нашептал?! – изумилась Лилит – Анфиса.

– А он и познакомился со мной, когда я к нему по вызову пришла, – рассмеялась Снежана. – Больно уж ему фильм «Красотка» запал в душу, он и зовёт меня Вивиан.

– Повезло тебе, – вздохнула Лилит – Анфиса.

Столько было в этом вздохе зависти, что Виолетта, рассмеявшись, заметила:

– У соседа и трава всегда зеленее. Эх, Фиска, никогда не завидуй людям! Пусть они тебе завидуют. А хочешь, что б клиенты на тебя западали, то будь любезна раскошешься на биоривитализацию, да фитнесом займись: подтяни живот и попку.

– Ну, судя по тебе Виолетта, у тебя с работой всё в порядке, – заметила Снежана.

– Не жалуясь, – подтвердила блондинка. Она посмотрела на улицу и воскликнула: – А это что ещё за «явление Христа народу»?!

Виолетта встала и направилась к тротуару.

– Куда это она? – фыркнула Анфиса.

По дороге шла компания девочек-подростков, и что-то живо обсуждала, к ним-то и пошла Виолетта.

– Далеко ли направились красавицы? – обратилась она к девочкам. – Оксана, в чём дело?

Голубоглазая, светловолосая девочка с кукольным личиком, которая что-то оживлённо доказывала подругам, удивлённо уставилась на Виолетту.

– Мам, а у нас урок отменили, – залепетала она.

– Это легко проверить, – многозначительно пообещала Виолетта. – А сейчас бегом в школу!

Стайка тинэйджеров послушно двинулась по направлению к школе.

– Питец как спалились! – недовольно воскликнула Оксана, едва девочки свернули к школьному двору. Она убедилась, что мать пропала из виду, и продолжила: – Хорошо, что только физкультуру прогуляла. Пойду на литературу, хоть Дон Кихота послушаю, он всегда что-нибудь прикольное рассказывает.

– Может, сначала покурим, а потом разбежимся?! – предложила Надя Курянина.

У неё в кармане лежало пятьсот рублей, которые ей подарила бабушка на день рождения. Надька планировала предложить Оксане сегодня прогулять школу, купить пиво и поговорить за жизнь. Появление Оксанкиной мамы, всё перечёркивало.

– После школы покурим, – помотала своей кукольной головкой Оксана.

Она хотела дать команду расходиться, поскольку была в большом авторитете в своей компании и все слушались её, но тут, как всегда не к месту, встряла Ленка Заварихина:

– Ой, девки, а я слышала, что в нашем городе будет проводиться кастинг на фильм Фёдора Бондарчука! Какой-то фантастический боевик. Нужны девочки двенадцати лет. Вот бы попасть на кастинг. Вдруг возьмут?

Надька хотела брякнуть, что дядде Заварихе только роль огородного пугала играть, а не в фильме Бондарчука, но Оксанка безапелляционно заявила:

– Расходимся! Вечером встретимся на «пяточке» и всё обсудим.

ГЛАВА 2

Иван Ильич Красовский за свою бородку «эспаньолку» и длинные волосы, получил от учеников прозвище «Дон Кихот». Он считался у старшеклассников юродивым, из-за любви к литературе. Однако уроки его, ученики любили, и даже отъявленные хулиганы вели себя на них хорошо. О высоком уровне подготовки учеников, в классах, где преподавал Дон Кихот, в ГорОНО ходили легенды.

Шёл урок литературы, Красовский, сидя за столом, улыбаясь, смотрел на рыженького, лопоухого мальчишку, выговаривая ему:

– Эх, Феденька, вижу я, что читал ты рассказ Антона Павловича Чехова «Хирургия», а поведать, о чём там говорится, не можешь.

Ушастый Феденька, горестно развёл руками и проямлил:

– Честное слово читал.

– Это хорошо, но мало, – вздохнул Дон Кихот, – нужно ещё и рассказать без всяких «это самое» и «вощем», а самое главное, что бы понятно было, о чём Антон Павлович написал. Как верно заметил Николай Васильевич Гоголь: «Нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и живо трепетало, как метко сказанное русское слово». У тебя слова, словно чугунные болванки падают. Такие же неуклюжие и безобразные. А слово твоё, должно воспарить над землёй, потому как в общении меж людьми слово основа всему. Ведь сказано же: «Вначале было слово...». И судить о тебе незнакомые люди будут, по тому, как доходчиво ты излагаешь свои мысли.

– Так ведь Иван Ильич, встречают-то по одежке, – крикнула с задней парты Оксана Усольцева.

После того как мать поймала её на улице, она решила не испытывать судьбу и отсидеть все уроки. Сейчас, когда до звонка осталось пять минут, она осмелела и подала голос.

– Всё верно Оксана, – согласился Дон Кихот, – но, как известно, провозжают-то по уму, а он-то как раз и выражается в умении доходчиво излагать свои мысли.

– Меня вроде как все понимают, – подал голос Феденька.

– Да? – оживился Дон Кихот. – Давай проверим. Машенька Оленина, выйди, пожалуйста, сюда.

С парты, поднялась первая отличница в классе.

– Вот Феденька, попытайся нам описать Машеньку, что бы нам всем было понятно, о ком ты говоришь.

– Ну, эта Оленина, ходит вечно нос выше лба, – начал Феденька и развёл руками, большие слов у него не нашлось.

– Дурак! – вырвалось у Олениной.

Дон Кихот улыбнувшись, сказал:

– Это он Машенька не со зла сказал, а от недостатка слов. Вот послушайте, как описал Машеньку Александр Сергеевич Пушкин: «Глаза Олениной моей!

Какой задумчивый в них гений!

И сколько детской простоты,

И сколько томных выражений

И сколько неги и мечты!

Потупит их с улыбкой Леля-

В них скромных граций торжество

Поднимет – ангел Рафаэля

Так созерцает божество».

– Так он это не про Машку же сказал! – возмутился Феденька. – Он её знает-не знал.

– Пушкин действительно не знал нашу Машу, – согласился Дон Кихот, – но писал то он про неё. Убедитесь сами.

Красовский достал из своего стола фотографию и пустил её по рядам.

– Это фотография портрета Анны Олениной работы художника Кипренского, – пояснил Дон Кихот.

– Машка! – ахнул класс.

– Ну, хорошо Феденька, – продолжал Дон Кихот, – давай мы с тобой, как вы любите выражаться: «Замастыримся по-пацански». Я ставлю тебе четвёрку, ты мне за это, читаешь десять рассказов Чехова, и пересказываешь их после уроков.

После майских праздников, даже листья деревьев, растущие на школьном дворе, шепчут, про скорые каникулы. Оксана Усольцева стояла возле забора, ей нужно было дожидаться Снежанку, свою младшую сестрёнку, которая учится в первом классе. Сейчас она доедает свой обед в группе продлённого дня. Девчонка Оксана компанейская, и около неё собрались несколько подруг.

– Ну и приколотся сегодня Дон Кихот, со стихами про Оленину, – хмыкнула Верка Кудимова.

– А чего хорошие стихи, – пожала плечами Оксана, – и портрет на Машку похож. Эх, Машка повезло тебе! Какие красивые стихи Пушкин написал. Да не красней ты так Оленина! Дура, гордиться надо!

– Всё-таки наш Дон Кихот умный мужчина, и чего он в нашей школе забыл? – перевела разговор Маша Оленина.

– А где ему ещё работать?! – изумилась Кудимова.

– Мама говорит, он такие интересные статьи в журналы пишет, что на одних гонорах прожил бы, – ответила Машка. – И нужно же ему с нашими балбесами возиться?!

– А с чего ты взяла, что ему гонорары большие платят?! – Усольцева достала пачку «Вог» с ментолом, и со вздохом положила обратно, курить в школьном дворе опасно.

– Хорошо платят, раз на иномарке ездит, – пожала плечами Машка Оленина

– Тоже мне крутая тачка! – фыркнула Усольцева. – «Мазда3», десятилетняя. Дон Кихоту её старший брат подогнал, он в Москве живёт. Своей жене «Мазду 5» купил, а её тачку младшему брату отдал. Вот на ней Дон Кихот и ездит.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Кудимова.

– Общаться с людьми нужно, – усмехнулась Оксана, – но наш Дон Кихот, мужчина интересный.

И не знали болтушки, что в это время Дон Кихот стоял у окна пустого класса и смотрел на них.

В последнее время, вероятно из-за утомления, Ивана Ильича стали мучать приступы головной боли. Особенно они, болезненны при повороте головы. Только что, такой приступ миновал, и Иван Ильич радовался жизни, размышляя:

«Нет сто раз прав Шопенгауэр, заявив: «Только одурманенный половым влечением, рассудок мужчины, мог назвать прекрасным, узкоплечий, широко бедренный пол». Верно, как верно, заметил Вересаев: «Есть уродство в женском теле – круглый живот, ноги в коленях изогнуты внутрь». И в тоже время как прекрасно тело девочки-подростка! Гибкий стан, прямые, не располневшие ноги, и словно нераспустившийся бутон прекрасного цветка – формирующаяся грудь. Как прекрасна девочка подросток! – он посмотрел на красивое личико Оксаны Усольцевой. Мысли учителя Красовского потекли совсем уж в аморальном направлении: «Сильно ошибался Чехов, заявляя: «Глаза – зеркало души». Поверив в это, глядя в глаза Оксаночки Усольцевой, можно обмануться, приняв её за невинного ангелочка, но губы, чувственные губы взрослой женщины-хищницы, выдают всю порочность её натуры. О, какая

гремячая смесь: глаза и губы этой девчонки! Как легко пропасть, попав под очарование этих глаз. Но Боже, как хочется пропасть!»

Огорчился Иван Ильич от размышлений своих, ибо, что может быть хуже, чем рассматривать свою ученицу в качестве сексуального объекта. Безнравственно это и аморально. Но что уж совсем печально, то, что скабрёзные мысли, змеиным клубком шевелились именно в голове Ивана Ильича. Педагогика была его призванием, и жизни своей он не представлял без учеников, а тут такие мысли. Появились эти скабрёзности в одно время с головной болью. Решив впредь одёргивать себя от подобных размышлений, Иван Ильич отправился обедать.

Оксана со своей младшей сестрёнкой шла домой. Настроение её улучшилось, так как только что удалось покурить, и она снисходительно слушала болтовню Снежаны.

– Ванька Слюсарев сегодня меня за косы дёрнул, а я его за это рюкзаком по башке двинула, – жаловалась сестрёнка, – а этот дурак, на весь класс заорал, что я в него влюбилась и заигрываю с ним.

– Не обращай внимания, – махнула рукой Оксана, – мальчишки в вашем классе ещё мелюзга, и повзрослеют не скоро.

– Да я и сама знаю, – вздохнула Снежана, – но приходится возиться с ними.

– Пора тебя приобщать к взрослой жизни, – улыбнулась Оксана.

– И тогда у меня будет кавалер, который, как тебе будет дарить помаду и серёжки?! – радостно изумилась Снежана.

– Всё у тебя будет сестрёнка, – пообещала Оксана.

Дальнейший разговор пришлось прекратить, с противоположного тротуара к ним направилась Надька Курянина.

– Вы домой? – спросила она.

– Куда же ещё?! – пожала плечами Оксана.

– Поговорить хотела. Одну тему тет-а-тет обсудить надо, – сообщила Курянина.

– Вечером на «плешке» и перетрём, – предложила Оксана.

– Я могу поздно освободиться, – вздохнула Надька, – если что, я к тебе зайду.

«Плешкой», звался небольшой холмик за котельной, со всех сторон окружённый кустами – любимое место сбора подростков. Удобно: можно покурить и попить пиво, вдали от глаз взрослых, да и менты незаметно, туда подойти не могут.

ГЛАВА 3

Провинциальный город живёт своей неторопливой жизнью. Она отличается от стремительного темпа мегаполисов. В Москве или Питере можно не знать своего соседа по лестничной площадке, кто он и чем занимается, а в провинции дело обстоит по-другому. Здесь про тебя известно всё. Плохо это или хорошо сказать не берусь, но чувствуешь себя легко и спокойно когда шагаешь по улицам родного городка. Здороваётся с тобой бабка, торгующая солёными огурцами и цветами около автобусной остановки, а спустя пять минут, останавливает помятая личность, и бурно выражая радость от встречи, «стреляет» у тебя сто рублей до завтра.

Только спустя полчаса ты вспоминаешь, что бабка с остановки, лучшая подруга твоей тётки. Видел ты её двадцать лет назад, когда был тринадцатилетним пацаном, а вот узнала она тебя, а помятый субъект, что выклянчил у тебя сто рублей – Валерка Еркин, бывший водичий всей уличной шпаны на улице твоего детства.

И млеешь ты от счастья, что помят тебя здесь, а Валерка тем временем побежал к самодельному столику, вкопанному в землю, во дворе двух пятиэтажек. Там его дожидается Ванька Крест – шестидесятилетний уголовник, почитаемый всеми местными алкашами за «смотрящего». С Крестом были два его неизменных компаньона: Седой и Хала, такие же «засиженные» субъекты. Валерка лет на пятнадцать моложе, да и авторитетом среди порядочных бродяг¹ не пользуется, так как первый срок сидел по «лохматой статье», то есть за изнасилование.

– У Слонихи взял, – сообщил Валерка, выставив на стол бутылку самогонки.

– Ну что, бухло, есть, бонзуха² в сборе, приступим, – провозгласил Крест, откупоривая бутылку самогона.

Изрядно помятый квартет, влив в себя вонючее пойло, крякая, закурил, так как иной закуски, кроме сигарет у них не было.

– Гля Мутный, Надька твоя идёт! – кивнул Седой в сторону ближайшего подъезда.

Туда как раз подошла Надя Курянина.

– Девка самый сок, – Хала вперил свои «масляные» глазки в стройную фигуру девочки, – буфера сквозь майку так и прут.

Надя была дочкой сожительницы Валерки Еркина, и по-пьяному делу, он частенько доказывал, что Верка родила её от него. Сальные замечания Халы были не по душе Еркину, и он что бы сменить тему, предложил:

– Ну что, между первой и второй перерывчик небольшой?! – компания не возражала.

Наметившуюся идиллию, нарушил местный участковый Воронцов, подошедший со своим молодым напарником, к столику, где кайфовала компания.

– Бухаем голуби серые? – полюбопытствовал вёдливый мент.

– Да нормально всё Воронцов, – миролюбиво заверил Крест.

Перспектива провести остаток сегодняшнего дня на шконке в камере, его не радовала. Он ломал голову как бы свалить, не подорвав при этом своего блатного авторитета.

– Это мне решать нормально или нет, – тон Воронцова не предвещал ничего хорошего, – даю вам три секунды, что бы испариться отсюда.

Сказав это, Воронцов со своим напарником направился в ближайший подъезд.

– Ушли, – обрадовался Валерка, – я разливаю?

¹ Порядочный бродяга – уголовник, придерживающийся старых воровских традиций.

² Бонзуха – (криминальный жаргон) компания.

– Когда болан на хвосте³, самогонка в глотку не лезет, – Крест отобрал у Валерки бутылку и сунул её во внутренний карман замызанного пиджака, – всё разбежались.

Понимал Валерка Еркин, что менты, лишь повод, что бы обрубить лишний рот, но возразить побоялся. Обозлённый поведением Креста, отправился он домой, и лишь на своей лестничной площадке, вспомнил о сторублёвке, которую «сииб» час назад у заезжего лоха. Вновь повеселел Валерка и открыл входную дверь. В прихожей перед зеркалом, Надя красила губы помадой.

– Взрослая ты уже, – Валерка сделал попытку обнять девочку.

– Отстань, – оттолкнула та Еркина, – скажусь маме, что ты пристаёшь ко мне.

– Да кто тебе поверит? – Валерка всё сильнее прижимался к Наде.

– Прокурор поверит, если заявление напишу.

Еркина словно током отбросило от девочки.

– Дура! – завопил он. – Совсем рамсы попутала?!

Кто-то вставил ключ в замок входной двери.

– Не ори, мама идёт, – сказала Надька и положила помаду в сумочку.

Через секунду дверь открылась, на пороге появилась Вера Курянина, крашеная, блондинка лет сорока, одинаковая в длину и ширину.

– Вы чего шумите? – спросила она, закрывая дверь.

– Да так, – пожала плечами Надька, – громко разговариваем. Мам, я сегодня у тётки Кати ночую.

– Ладно, – кивнула Вера, – привет ей передавай.

Екатерина – старшая Веркина сестра, своих детей не имела, и души не чаяла в племяннице.

– Мам, а ты дашь мне рублей четыреста?

– Зачем тебе? – насторожилась Верка, пару раз она замечала, что от дочки пахивало пивом.

– Да так, мороженое с девочками поедим, кока-колы попьём.

– Небось, пиво пить будете, – встрял Валерка.

– Я пиво не пью, – ответила Надька, даже не взглянув на него.

Вера достала кошелёк и протянула деньги дочери, та взяла их, чмокнув мать в щёку, упорхнула. Вера, взяв сумку, прошла на кухню. Выкладывая из неё продукты на стол, она достала бутылку и сказала:

– Зинка Сангина самогонку на пробу дала. Они с мужем по интернету самогонный аппарат купили, вот угостили своей продукцией.

– Верка, ты самая лучшая женщина! – полез целоваться Еркин. – Знаешь, как мужику радость доставить.

– Ты уже где-то принял радости, – поморщилась Вера.

– Да так с пацанами, – махнул рукой Еркин, – семь рыл на один пузырь, никакого кайфа, один запах.

Еркин ласково обнял Веру:

– А вот с любимой женщиной посидеть, это другое дело.

– Огурчики порежь, – отмахнулась Верка от любовных излияний сожителя.

Выйдя из дома, Надя направилась к автобусной остановке, но передумала ехать на автобусе, увидев белую «тойоту-кароллу» с шашечками такси на крыше. Как раз из магазина вышел её водитель, короткостриженный мужик лет сорока пяти.

– До улицы Ленина довезти, сколько возьмёте? – спросила Надя.

– Двести рублей, – ответил водитель, разглядывая ладненькую фигурку девочки.

³ Болан на хвосте – криминальный жаргон, означающий: «Менты следят».

– Я согласна.

– Тогда садись, – кивнул водитель и открыл дверь своего автомобиля.

Искоса поглядывая на пухленькие, крашеные губки девочки, её стройные ножки, едва прикрытые джинсовой юбочкой, Сергей Аникушкин думал: «Девка созрела: попка, сиськи, всё при ней, а мозгов ещё нет. Голову задурить проще простого».

– Я, между прочим, для постоянных клиентов скидки делаю, – сказал вслух Аникушкин, – могу телефончик дать, понадобится, звони.

– Хорошо, – кивнула Надя, – сегодня как раз и понадобится. Диктуйте, я запомню.

Аникушкин продиктовал номер своего сотового телефона.

Ещё Гоголь заметил, что беда России: дураки и дороги. С той поры прошло двести лет, но мало что изменилось в нашем отечестве – беды те же самые. Всё идёт у нас наперекосяк, потому что сидят дураки на высоких постах. Реформа МВД буксует по той же причине. Переименовали милицию в полицию, серую форму поменяли на синюю, и успокоились – реформа проведена. Но как цвела пыльным цветом «палочная»⁴ система, так и продолжает цвести и пахнуть. Важна для «палочной системы» бумага, а не человек. Не имеет значения, как активно сотрудник принимает участие в раскрытии преступлений, но важно умение грамотно составить бумагу. Само собой разумеется, что бумагу ту должен кто-то подписать и составить по ней справку. Вот и пухнут штаты штабов всех уровней, и всё меньше становится сотрудников работающих на «земле», потому как работать там хлопотно, и постоянно получаешь выговора. А какие выговора могут быть при работе в штабе?

Старший участковый уполномоченный Воронцов уже много лет работал один, без напарников, обслуживая несколько административных участков. Только с сентября прошлого года дали ему в напарники, выпускника юридического института, который с первого дня работы принялся высчитывать годы, оставшиеся ему до пенсии. Вместе с Гасиловым, новым напарником Воронцова, пришла его однокурсница Леночка Фёдорова – инспектор по делам несовершеннолетних. И зажили они все трое тихо и мирно в своём подвале, именно там располагался их опорный пункт полиции.

В этот вечер Леночка Фёдорова заполняла карточки своих подучётных несовершеннолетних, а Гасилов взял в руки заявление, которое получил и стал читать:

– «Гражданка Никишина, которая живёт поверх меня, вешает на балконе свои белья», – он улыбнулся и добавил: – так написано, ладно читаю дальше: «...с которых хлещет вода на мой балкон. Этим своим дурным поступком Никишина нарушает общественный порядок и грубо насмехается над общественной нравственностью», – Гасилов вздохнул, – какой ерундой приходится заниматься.

– Двадцать лет назад, я думал так же как ты, – усмехнулся Воронцов, – и решил перейти в следствие.

– Так что же вам помешало? – спросила Фёдорова, не поднимая голову от своих бумаг.

– Тогдашний начальник следствия у меня спросил: «Какое у тебя образование?» – продолжил Воронцов. – Отвечаю, что, высшее – техническое. Он мне и говорит: «Вот когда у тебя будет высшее юридическое, то я тебя с радостью возьму». Я ему в ответ: «В следственном отделе, кроме вас, ни один следователь не имеет юридического образования!»

Воронцов, положил бумаги в сейф и продолжил:

⁴ «Палка» – в полиции, в каждой службе, свои показатели, именуемые «палками». Работа сотрудника оценивается формально, по показателям, т.е. по тем самым «палкам». От того подчас и злоупотребления у сотрудников полиции, из-за желания «срубить палку», то есть улучшить свои показатели любой ценой, иной раз, ценой прямого нарушения закона. «Палочная» система в МВД критиковалась ещё во времена министра МВД СССР Щёлокова, (бывшего министром с 1962 по 1982 годы), но замены ей не найдено до сих пор. Перековывала «палочная система» по наследству из милиции в полицию.

– Начальник следствия засмеялся и отвечает: « Найди мне такого дурака, который сядет на твоё место, и так же будет работать, тогда я с радостью возьму тебя в следствие».

– Что было дальше? – Гасилов уложил в папку, возмущившее его заявление.

– Я поступил на заочное отделение в московский юридический институт, и в 1999 году закончил его. Потом началась вторая война в Чечне, я стал туда ездить в командировки. Полгода проработал следователем в Грозном. В 2003 году вышел на работу обратно в отдел, и начальник следствия предложил мне перейти на работу в следствие, но я отказался. Понял, что работа следователя, это не моё.

– Почему?! – удивился Гасилов.

– Лучшие быть первым парнем на деревне, чем последним в городе, – усмехнулся Воронцов, – а стать лучшим следователем, мне не суждено.

– Валерий Борисович, вы вечером в отдел пойдёте? – спросила Фёдорова.

– Идём, а что?

– Могли бы вместе, – предложила Фёдорова, – только мне нужно к Куряниным сходить. Говорят, отчим Натальи пристаёт к ней.

– Ты без меня с ним на эту тему не разговаривай, – посоветовал Воронцов.

– Почему? – красиво выгнула бровь дугой Леночка.

– Отчим Наташи, Валерка Еркин, первый свой срок за изнасилование получил. Нравы тогда в местах лишения свободы были строгие, его там поломали. Теперь он инвалид третьей группы, и недолюбливает с тех пор красивых девушек.

– Ты на беду нашу, красавица, а это криминал, – вставил Гасилов.

– Перестань ерунду говорить! – деланно возмутилась Леночка.

– Риназ Минниханович констатирует факт, – улыбнулся Воронцов.

Дальше поговорить не получилось, зазвонил телефон, Воронцов взял трубку.

– Еркин разбуянился, – сообщил он, после разговора по телефону с дежурным, – так что к Куряниным втроём пойдём.

Подкосила Валерку бутылка самогону, которую принесла с собой сожигательница. Стоял он на кухне, с трудом держа равновесие и тупо уставившись на участкового Воронцова, пытался понять, что говорит его разлюбленная Вера, а та, икая и утирая пьяные слёзы, жаловалась:

– Какие мужики меркантильные пошли! Из-за недолитых тридцать грамм водки убить готовы.

– Ну что за человек?! – возмутился Валерка. – Сказано же, в семье всё должно быть поровну, и радость и горе. Это основной принцип домостроя! Иначе всё будет рушиться, и семья, и общество и государство!

Дальнейшие взгляды на домострой изложить Еркину не дал Гасилов, сказав:

– Пойдём в отдел, – предложил он, взяв Еркина за локоть, – расскажешь мне подробнее о домострое.

После ухода сожигателя, Верка всхлинула:

– Ушли! А с кем я теперь останусь?! Нельзя женщине быть одной! Ты понимаешь это Воронцов?!

Фёдорова, уразумев, что поговорить с Верой не удастся, так же вышла из квартиры.

– Воронцов, я боюсь одна, – заявила Верка, пытаясь обнять участкового, – забрал у меня мужчину, охраняй сам, – прижавшись к Воронцову, улыбаясь, продолжала, – исполняй свой служебный долг в полной мере.

– Обязательно исполню, – пообещал участковый, освобождаясь из Вериных объятий, – вот только твоего любимого мужчину спать уложу.

– Воронцов, я буду ждать тебя! Дверь не закрою.

– Жди меня и я вернусь, только очень жди, – пообещал Воронцов и вышел из квартиры. Верка рухнула на диван и захрипела.

ГЛАВА 4

Эту лесопосадку на окраине города любят собачники, потому Иван Петрович Селуянов для пробежки выбрал раннее утро, пока собачники со своими питомцами сладко почивают. Приятно бегать в шесть утра, когда воздух чист, а голова свежа и хорошо думается.

На грунтовой дороге около леса стояла синяя «Мазда 3», из которой вышел водитель, едва с машиной поравнялся Селуянов. Вид водителя был настолько бледен, что Иван Петрович поинтересовался, всё ли с ним в порядке.

– Не беспокойтесь, пожалуйста, со мной всё хорошо, – ответил тот, и Иван Петрович побежал трусцой к лесу, здесь начиналась его трёхкилометровая дистанция.

А водитель «Мазды» достал из внутреннего кармана брюк расчёску и принялся расчёсывать свои длинные волосы.

– Прискорбно всё это, – грустно заключил он и уселся в свою машину. Глянув в зеркало на свою физиономию, он продолжил: – И каким образом ты всё это объяснишь уважаемый Иван Ильич? Как ты здесь оказался? – но отражавшийся в зеркале Красовский, ничего объяснять не стал или не захотел.

Вчера ночью Красовский внезапно почувствовал приступ головной боли и решил проехаться по ночному городу, боль прошла, но вместе с ней испарилось и сознание. Теперь Дон Кихот сидел и ломал голову, как долго он находился здесь у опушки леса. Провал в памяти был полнейший и не найдя ответа, Красовский поехал домой.

Пока Дон Кихот ехал и пытался вспомнить события вчерашней ночи, Селуянов заканчивал свой трёхкилометровый кросс. Остановившись у одного из кустов, он, усмехнувшись, произнёс вслух:

– Всегда в этом месте останавливаюсь! Что за странности моего мочевого пузыря?! – он шагнул к кусту и тут же забыл, что хотел сделать.

Под кустом лежала голая девушка с синюшным цветом лица. Селуянов был далёк от медицины, но всё же понял, девушка мертва. Дрожащей рукой, он полез в карман за сотовым телефоном.

Сообщение об обнаружении трупа в лесопосадке на окраине города поступило на пульт дежурного городского отдела полиции в 6.18.

В 6.23. к месту выехал дежурный наряд патрульно-постовой службы и подтвердил информацию. В 6.30 в отделе полиции была объявлена тревога и сбор всего личного состава.

Воронцов подъехал к злополучной лесопосадке одновременно с Гасиловым, который умудрился заехать ещё и за Леночкой Фёдоровой.

– Ну, вот и накаркал ты Риназ Минниханович, – сказал Воронцов.

– Я-то здесь причём?! – возмутился тот.

– Вчера только переживал, что ерундой приходится заниматься.

Гасилов открыл, было, рот, что бы возразить, да не успел, подошёл начальник уголовного розыска.

– Привет околоточные, – поздоровался он, – ну вы прямо неразлучная троица, даже инспектора ОППН с собой прихватили. Кажется, что вы никогда не расстаётесь.

– Станислав Валерьевич вы бы при молодых сотрудниках дело говорили, а то складывается впечатление, что начальник уголовного розыска города болабол и не серьёзный человек.

– Ну что ж дело так дело, – улыбнулся «болабол и несерьёзный человек», – Леночка, потерпевшей, по всей видимости, не более четырнадцати лет. Взгляни, пожалуйста, на неё, может быть, узнаешь

Лет двадцать назад, напарник Воронцова пошутил: « Сын простого пастуха станет старшим пастухом, а сын участкового инспектора станет старшим участковым инспек-

тором». Сын Воронцова околоточным не стал, он был начальником уголовного розыска. На работе отец и сын Воронцовы, не смотря на насмешки коллег, сохраняли нейтральные отношения.

– Станислав Валерьевич, я узнала потерпевшую, – сказала подошедшая Фёдорова, – это Наталья Курянина.

– Вот тебе на! – присвистнул Гасилов. – Мы же вчера вечером её отчима в камеру закрыли.

Незабвенный Козьма Прутков как-то заметил, что чиновник подобен флюсу, полнота его односторонняя. Иными словами специалиста ничего не интересует кроме его работы. Всё сказанное в полной мере можно отнести и к Станиславу Павловичу Феклисову. Ни что его не интересовало кроме работы. Поговаривали, что и жена его бросила по этой же причине, промучившись с ним двадцать лет. Феклисова это мало интересовало. Ни обращая внимание, на свой необустроенный быт, ужиная слипшимися магазинными пельменями, вечерами дома он обдумывал тактику допроса очередного дела. Феклисов жил работой, потому как другой жизни у него попросту не было. Одно лишь омрачало мысли Станислава Павловича, скоро на пенсию. Чем тогда заниматься? Адвокатура не прельщает, работа юрисконсульта на предприятии скучна.

«Пойду торговать газетами», – решил Феклисов и с тех пор все мысли о пенсии гнал от себя прочь.

Феклисов дежурил в те сутки, когда пришло сообщение об обнаружении трупа девочки в лесопосадке. Когда он приехал с места происшествия, его суточное дежурство закончилось, и нужно было лишь отчитаться перед начальником следственного отдела Заварзиным, о первых результатах по делу.

Закончив доклад, он попросил начальника отдела поручить ему расследование этого убийства.

– Славы захотелось на старости лет? – улыбнулся Заварзин.

Они были знакомы большие двух десятков лет, придя мальчишкой в прокуратуру Заварзин, стажировался у Феклисова.

– Дело не простое, – почесал кончик носа Феклисов, – молодёжь на нём зубы может обломать.

– Что тут сложного?! – изумился начальник следствия. – Преступник оставил полно улик. Возможно даже «засветился» перед свидетелем.

– Поверь Виктор Павлович моему чутью. Не всё здесь так просто, – вздохнул Феклисов, – поручи это дело мне. Я пенсионер, и в случае большого шума, а он неминуемо случится, все ишишки полетят на следователя. А я в любой момент могу уйти на пенсию, так что бояться мне нечего.

– Хорошо, – кивнул начальник.

К обеду горячка поднятая убийством девочки начала спадать, и Станислав вызвал отца и оперативника Борескова.

– Валерий Борисович поезжайте вместе с Боресковым домой к Вере Куряниной. Эта несчастная женщина, наверное, отошла от первого шока и похмелья, теперь её можно допросить.

– Я всё понял товарищ майор, – кивнул Воронцов, – разрешите выполнять?

– Как ты Борисович перед сынком-то выкаблучиваешься, – усмехнулся в коридоре Боресков, – «товарищ майор» да «разрешите выполнять?»

– Лёшенька, служебную этику ещё никто не отменял. Он начальник я подчинённый, – вздохнул Воронцов. – На чьей машине поедем? На твоей или моей?

– На обеих. Отвезём Верку к следователю, и я по своим делам поеду.

Город гудел как пчелиный улей, узнав об убийстве несчастной девочки. Обсуждали трагедию всюду: в магазинах и на работе, ученики с учителями в школе, и алкаши, распивая самогонку в центральном сквере. Все склонялись к одному, в городе объявился маньяк – педофил. К пяти часам вечера Феклисова и начальника следствия пригласил к себе мэр города.

– Думаю, не мне вам говорить, что это убийство должно быть раскрыто в кратчайшие сроки, – сходу начал мэр, – везде только и разговоров об этом преступлении. Со стороны администрации города обещаю вам всемерную поддержку в решении, каких либо проблем связанных с раскрытием этого преступления.

– Да Павел Егорович, нам нужна ваша помощь, – кивнул Феклисов, – дело в том, что преступник оставил на месте преступления следы спермы. Необходимо дать распоряжение в больницы и поликлиники города о проведении генетической дактилоскопии отобранных образцов крови у всех пациентов мужчин. Но это ещё не всё.

– Я слушаю вас Станислав Павлович.

– Необходимо произвести забор крови, у всего мужского населения города, начиная с четырнадцатилетних, для сравнения с имеющимися у нас образцами ДНК.

– Сделаем, – пообещал мэр.

– В случае если данные поисковые мероприятия не приведут к желаемым результатам, необходимо расширить круг поиска и произвести забор крови у всего мужского населения области.

– Однако! – крикнул мэр. – Ну, раз надо, так надо, будем думать, как это сделать.

В семь часов вечера в кабинете начальника уголовного розыска собралась вся следственно-оперативная группа, работающая по убийству Нади Куряниной. Разложив бумаги на столе для совещания, Феклисов откашлялся и начал:

– Ну что ж коллеги, подведём итоги: убитая Надежда Курянина двенадцати лет. Смерть наступила в результате асфиксии⁵. Странгуляционная борозда⁶ имеет горизонтальное направление и охватывает всю окружность шеи.

– Задушили девчонку, – вдохнул Боресков.

– Совершенно верно, – кивнул Феклисов, – по всей видимости, Курянина была задушена верёвкой, но орудия преступления нами при осмотре места обнаружения трупа не найдено.

– Ну, ясно как божий день! – хлопнул ладонью по столу Боресков. – Убили в другом месте, а труп подбросили в лесу.

– Согласен с вами Алексей Николаевич, – кивнул Феклисов, – но где убили Надю? Лесопосадку, в которой был обнаружен труп, пересекает грунтовая дорога.

Феклисов порылся в своих бумагах и достал схему местности.

– Вот здесь на выезде из лесопосадки, – он указал шариковой ручкой на крестик, – обнаружен след протектора автомобиля. Двигалась она по направлению к трассе ведущей мимо Брикетного посёлка.

– Свидетель Селуянов, тот, что обнаружил труп Куряниной, видел у лесопосадки, но с другой стороны синюю автомашину «Мазда 3».

– Экспертиза допускает, что это могла быть «Мазда3», – кивнул следователь. Он посмотрел на начальника уголовного розыска и спросил: – Вы поработали со свидетелем Станислав Валериевич? Удалось составить фоторобот того человека?

– Глухо, – вздохнул тот, – свидетель во время пробежки усиленно размышлял над технологией антикоррозионного цинкования, и на водителя «Мазды» внимания не обратил, заметил лишь его чрезмерную бледность.

⁵ Асфиксия – кислородное голодание, в данном случае от удушья.

⁶ Странгуляционная борозда – след повреждения на коже от воздействия материала петли.

– Целый день промучились, но фоторобот так составить и не смогли, – подтвердил эксперт-криминалист Куцевол.

– Ясно, – кивнул Феклисов, – ну что ж тогда необходимо провести подомовой обход посёлка Брикетный, а жильцов улиц Первомайская, Строителей, Мира, опросить всех, сто процентов. Может, удастся найти очевидца, который видел интересующую нас автомашину «Мазда». Так же необходимо отработать всех владельцев «Мазд3» в городе.

– Понял, – Воронцов-младший записал в свой ежедневник.

– Далее, – продолжал Феклисов, – вам Елена Михайловна, необходимо поработать в кругу друзей Нади Куряниной.

Леночка достала ежедневник, специально купленный для этого случая, и старательно стала записывать.

– Необходимо установить полный круг знакомых Надежды Куряниной, побеседовать со всеми, выяснить, о чём говорила Надя в последнее время.

– Я всё поняла, – кивнула Леночка.

– Далее, перед убийством Курянина была изнасилована. Судебно-медицинская экспертиза зафиксировала повреждение целостности девственной плевы, а также разрыв анального отверстия. Однако в мазках потерпевшей не обнаружено следов спермы, а лишь присутствие вещества ноноксинол-9, которое используется в качестве смазки на презервативах.

– А нельзя по типу этой смазки определить презерватив, какой фирмы использовал преступник? – поинтересовался Воронцов – старший.

– К сожалению ноноксинол-9 используется почти во всех презервативах, и можно по пальцам пересчитать те изделия, где его нет, – развёл руками Феклисов, – меня смущает одно обстоятельство.

– Что именно? – спросил начальник уголовного розыска.

– Преступник аккуратен, использует презерватив, нигде не оставляет следов, и вдруг на ладони жертвы и на одежде, следы спермы. Почему?

– Так ведь маньяк же! – воскликнул Гасилов. – Трудно ждать от него логики.

– Возможно, – пожал плечами Феклисов, – по словам Веры Куряниной, её дочь должна была ночевать у тётки. Та пояснила, что оставила дома Надю одну и ушла на работу в ночную смену. Однако ключа от квартиры тётки среди вещей потерпевшей обнаружено не было. Где он?

– Да какая разница! – воскликнул Боресков.

– В этом деле не должно быть белых пятен, – Феклисов положил шариковую ручку на стол, – участковым уполномоченным необходимо опросить всех владельцев гаражей, с целью установления лиц арендующих гаражи. Так же с этой целью проверить всех лиц сдающих жильё в наём. У меня всё.

– Тогда Станислав Павлович позвольте мне, – сказал Воронцов-младший, – мы проверили список входящих и исходящих звонков сотового телефона потерпевшей. Все звонки подруг и матери, но один номер интересен. Он принадлежит Симакову Илье Павловичу, скончавшемуся в феврале этого года от алкогольной интоксикации.

– Необходимо провести геолокацию звонков с этого номера, – Феклисов записал себе в ежедневник, – выяснить, где в момент звонка находились покойный гражданин Симаков и Надя Курянина.

Феклисов поверх очков оглядел группу:

– Ну что ж фронт работ определён.

ГЛАВА 5

27 июня 2016 года

Большие месяца прошло с того момента как в лесопосадке нашли труп несчастной Наденьки Куряниной. Поутихли разговоры взбудораженных горожан, подружки Наденьки собираясь на «плешке», всё реже вспоминали про неё, убитая горем мать, топившая своё несчастье в вине, потихоньку оправилась от шока. Убийство девочки становилось историей провинциального городка.

Только полицейские, отрабатывая мероприятия по розыску убийцы девочки, ежедневно на совещаниях упоминали имя Нади, но и для них она стала некоей абстракцией, безликой «потерпевшей». Однако был тот, кто продолжал остро чувствовать боль от убийства этого ребёнка – следователь Феклисов. Хотя он-то уж по характеру своей работы повидал много. Но именно это жестокое убийство, потрясло его, и не мог он, да и не хотел, успокаиваться, пока преступник ходит безнаказанно на свободе.

По вечерам читая и анализируя рапорта сотрудников полиции о проделанной работе, Станислав Павлович с тоской думал о том, что следствие «буксует», результатов нет, и всё большие шансов у этого дела сделаться «висяком», а это означало одно – скоро он станет «козлом отпущения».

«Чёрт с ним! – с досадой думал Феклисов. – Попрут на пенсию, устроюсь в следственный комитет хоть кем: уборщиком, дворником, не важно! Лишь бы быть при следствии и получать информацию по этому делу. Буду самостоятельно продолжать розыск, пока не установлю убийцу! – но вслед за этой мыслью, следовала другая, более страшная. Феклисов, покрываясь потом, вопрошал себя: – А если он не местный?! Случайно попал в город и наткнулся на бедную Надю Курянину?!»

От этой мысли он даже сидеть за столом он не мог, как тигр в клетке, метался по кабинету.

«Всё равно буду искать! – упрямо твердил Феклисов, шагая из угла в угол. И вновь усаживаясь за стол, подводил итог размышлениям: – Если это убийство сойдёт ему с рук, то этот гад обязательно, где-то «прорежется». Рано или поздно, я найду его!»

Солнечным утром, Феклисов, сидя у кухонного окна, обозревал с высоты третьего этажа зелёную, сочную листву на деревьях. Он в пол уха слушал диктора, который заливался соловьём в эфире: «Всероссийский центр изучения общественного мнения отмечает рост индекса оптимизма средне статического россиянина...»

– Не у всех растёт этот индекс оптимизма, – грустно заметил Станислав Павлович. Он поставил чашку в мойку и отправился на работу.

Город жил своей жизнью, люди смеялись, шутили, занимались своими делами, по дорогам сновали автомобили. Водитель микроавтобуса «Мерседес-Спинтер», седовласый брונет, остановился у КАМАЗа – «фуры», из кабины которой выскочил рыжий, плешивый мужичонка и полез обниматься к бронету. Радость плешивого была столь бурной, что Феклисов остановился в недоумении, впрочем, спохватившись, он отправился своей дорогой.

– Аркаша, друг дорогой! Сколько же мы с тобой не виделись?! – восклицал плешивый обнимая бронета.

– Жизнь скоротечна, всё на бегу, на дороге встречаемся, – улыбался брונет. Он спросил: – Ты-то здоров? Как дела?

– Да дела как сажа бела! Из полиции, и с ходу в рейс уезжаю.

– А по каким делам в полицию?

– Да всё по старым, – вздохнул плешивый, – не даёт ментам покоя, моя статья насильничая.

– Понятно, – кивнул брюнет. И что бы сменить тему, спросил: – Ну а в семье как?
– Всё в порядке! Деньги есть, я для жены «милый красавчик», нет «чёрт плешивый». А у тебя как? Как Снежана, Марк?

– Нормально, Марк растёт.

– Ты всегда умел устроиться. Жена красавица, сынишка умница.

– Федь, так ведь твоя Светлана, первая красавица была.

– Вот именно что была, – хмыкнул плешивый, – как замуж вышла, так решила, что свою жизненную программу выполнила. Распыла до невозможности. Клода, колодой. Да это ещё полбеды, сквалыжная стала, сил нет!

– У меня Снежана форму держит, – улыбнулся брюнет, – вот сегодня с делами разгребусь и поеду с семьёй в Новороссийск, на недельку. Женьку, брательника моего двоюродного помнишь? Тридцать пять исполнилось, к нему поедем.

– Привет ему от меня передавай. Ну ладно Аркаша, пора ехать.

Плешивый полез в кабину КАМАЗА, а Аркаша потопал к своему «Мерседесу».

«Всё же нужна в жизни цель, – рассуждал Аркадий Кольцов, запуская двигатель своего «мерина», – и идти к ней по жизни нужно красиво, а не так как Федюня, куда кривая вывезет».

Федька Хрякин, тот самый водитель КАМАЗа – фуры, бывший одноклассник Аркаши, был первый красавец в их посёлке. За красоту свою и срок схлопотал: попортил девчонку и отказался жениться. Годы прошли, и растерял Феденька свои кудри вместе с бывлой красотой. В отличие от Федьки, к Кольцову жизнь всегда поворачивалась задницей. Рос он слабым и малахольным, потому приходилось выказывать звериную злость и жестокость в драках, что б оставили в покое более сильные пацаны.

Окончив школу, Кольцов заявил, что собирается ехать в Москву, поступать в авиационный институт. Над ним потешались все, от директора школы до уборщицы. Мать, вздыхая, говорила: «Эх, сынок, вся наша родня убогая. Не красть, не посторожить не можем. Не хватай звёзд с неба, иди на курсы бульдозеристов». Именно её слова и придали решимости Аркаше, уехал он в Москву. Естественно не поступил, но отслужив в армии, через рабфак, всё же попал в заветный ВУЗ.

Доказывать свою состоятельность по жизни Кольцову приходилось и дальше, так что это стало его привычкой. Может быть благодаря этому, все, за что бы он ни брался, у него получалось.

Магазинчик «Тысяча мелочей», на Краснопольской, пользовался у горожан большой популярностью. Там недорого можно купить всё, от носков до демисезонного пальто. Таких магазинов у Аркаши было восемь, и все они приносили стабильный доход. Однако непонятно почему, именно в этом магазине большим спросом пользовались мужские семейные трусы и носки, потому и приходилось Кольцову чаще, чем в другие магазины, завозить сюда этот товар. Торговала здесь Мариночка, цыганистого вида бабёнка лет сорока.

Кольцов спустился в цокольный этаж, где размещался магазин, с коробкой чебоксарских носков. Мариночка как раз обхаживала единственного покупателя, Ваньку Миронова, который жил неподалёку.

– Доброе утро Мариночка, – Аркаша поставил коробку на прилавок, – я сегодня вечером в Новороссийск на неделю уезжаю, так что ты мне заявку на товар скоренько составь.

– Хорошо, – кивнула Мариночка, и продолжила сладким голосом расхваливать футболку, Ваньке, пока тот не решил, что именно этой майки, ему в жизни и не хватает.

– Привет малому бизнесу, – поздоровался Миронов с Аркашей. Пряча заветную футболку в сумку, он спросил: – Как идёт торговля?

– Грех жаловаться, тьфу, тьфу, что б ни сглазить, – Кольцов постучал себя по лбу, – кстати, Иван, мне твоя консультация нужна.

– Чем могу, помогу.

– Приятелю моему штраф из Твери пришёл. А самое интересное, что он там не был, и по времени, когда он якобы совершил нарушение в Твери, проезжал через наш пост ГИБДД «Малиновка». Он должен был там, на камеру попасть.

Ваня работал инспектором ДПС и естественно каждый лез к нему с подобными вопросами.

– Когда это было? – спросил он.

– Недели две назад.

– Ничего не выйдет, – покачал головой Иван, – там объём памяти всего неделя.

– Очень жаль, – вздохнул Кольцов, – ну нет, так нет. Мариночка, ты оприходуй товар, потом позвони мне и дай заявку. Что ж, счастливо всем оставаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.